

венного определения интеллигенции как социальной группы, занимающейся духовным производством в узком смысле, и функции критической оценки социального управления (манифестирующая А. Туреном, и обоснованная П. Бурдые в его представлениях о порождающем значении человеческого капитала) и регламентации информационного поля, выделяемые в соответствие с условиями постмодерной изменением содержания социальной коммуникации в информационном обществе.

В постсоветском пространстве противопоставление интеллектуализма и интеллигенции как различие ориентированных на позитивистский рационализм и на социальный этос форм духовного производства усугублялось тем, что культура шестидесятников, выступавшая носителем либерально-демократических ценностей в советский период, служила каналом трансляции западного интеллектуализма феномена культуры. Но интеллектуализм в Европе был ограничен институциональными барьерами социальной структуры (он выступал в этом отношении как одно из направлений специализированной культуры). А интеллигенция в постсоветский период, пытаясь транслоировать продуктивное содержание культуры шестидесятников, оказалась в маргинальном положении, поскольку институционально все «шестидесятничество» представляло собой, в официальном измерении, контр- или вне-культурное образование.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН, ТРАДИЦИЯ, СИМВОЛ

Кропотова Н.В.

г. Симферополь. Украина

Понятие интеллигенции широко используется в разнообразных научных дискурсах социологическом, историческом, культурологическом, этическом, политологическом. В каждом случае это понятие находится в соответствующих семантических системах («семантических полях»), зачастую слабо пересекающихся или даже не пересекающихся вовсе. Так, в рамках этического дискурса, понятие интеллигенции определяется через широкий набор эмпирических свойств-качеств, чаще всего интеллектуальных и нравственных («интеллигентность»), приобретает ярко выраженную ценностную окраску (например, в дихотомии «настоящая интеллигенция» – «образованщина»). В историческом дискурсе оно наполняется конкретно-историческим содержанием как специфический феномен («российская интеллигенция конца XIX – начала XX веков»). В философском – делается акцент на идеологической миссии интеллигенции в обществе, обладании ею неким «сакральным» знанием и эталонными образцами поведения.

Термин «интеллигенция» как общегуманитарное понятие обладает множественностью интерпретационных возможностей, поэтому любое его использование в научных текстах с необходимостью предполагает определение если не полного содержания, то хотя бы основных смыслов и границ применения, а также указание на то, в рамках какой системы понятий оно функционирует в данном тексте.

Многоаспектность, многозначность, а, следовательно, неоднозначность критериев этого понятия создает определенные трудности при его практическом использовании в конкретных, например, социологических, исследованиях.

Традиция советской социологии трактует интеллигенцию как совокупность работников умственного труда (с разделением на сферы деятельности: инженерно-технические работники, работники образования, здравоохранения, творческая интеллигенция и др.), а ее численный рост – как проявление тенденций «стирания граней» между умственным и физическим трудом. Попытки использовать этот подход к «транзитному» (переходному) обществу и тем более к обществу постиндустриальному, в котором численность образованного слоя возрастает взрывообразно, зачастую приводят социологов к выводам об упряднении интеллигенции как особого слоя, интеллигенция объявляется ими раздробленной реальностью, распавшимся целым. Действительно, социальная стратификация общества по таким базовым критериям, как формы производства, формы собственности, формы управления, отношение к труду и др. не позволяют выявить, отграничить, определить контуры интеллигенции как единой социальной группы (в этих типах стратификационных систем интеллигенция как социальный феномен просто «неуловима»). Операциональная неэффективность, нетехнологичность понятия интеллигенции заставляет часть социологов полностью отказаться от него и перейти к более узким, взаимодополняющим, рядом положенным понятиям – специалисты, профессионалы, интеллектуалы, менеджеры и др. Здесь следует напомнить, что в системах западной социологии понятие интеллигенции вообще не используется. Такова судьба многих общенаучных понятий, плюрализм интерпретаций которых объективно сужает сферу их практического применения в качестве строгих научных терминов, научное сознание диверсифицирует их в ряд более узких понятий, обладающих большей однозначностью, точностью и эффективностью в конкретных научных исследованиях.

Утилитарный социологический подход позволяет зафиксировать громадный количественный рост в постиндустриальном обществе социальных групп, занимающихся интеллектуальным трудом, но не предоставляет инструментов для выявления их функциональной роли в общественном механизме, хотя, по сути, сам этот рост есть выражение бурного развития потребности общества в деятельности интеллектуалов. Столь острая социальная потребность в интеллектуальном труде не может быть сведена исключительно к экономическим аспектам: очевидно, что социогуманитарная деятельность образует смысловое ядро актуальных процессов; постиндустриальное общество функционирует на базе социогуманитарных технологий, которые широко используются для обоснования и оправдания институциональных основ общественного строя, их легитимации, для кодирования и программирования сознания масс.

В постиндустриальном обществе сложилась и продолжает активно развиваться профессиональная сфера современного символического производства – специальный труд по производству «обобществленного»

сознания, его образцов, шаблонов, кодов массового восприятия и поведения, алгоритмов действия, труд по их хранению, переработке в оперативные утилитарные схемы, по их распространению в массах. Категория лиц, специально занятых выполнением этих задач («творцы», «интеллектуальное сообщество» в терминологии теории социокультурной динамики А. Моля) относительно немногочисленна и не охватывает полностью все множество работников умственного труда. Социокультурный цикл, обеспечивающий культурную динамику общества, нуждается также в мощном блоке средств массовой коммуникации (mass-media), к которому А. Моль отнес печать, радио, телевидение, кино, систему образования.

Кардинальные изменения в механизмах культуры, в научном и научно-техническом оснащении символического производства (компьютеризация, опережающий рост средств массовой коммуникации, инновационные технологии социального управления, массовизация высшего образования и др.), проникновение индустриальных форм в производство идей и представлений обусловили смещение центра символического производства от неорганизованных свободных интеллектуалов («творческой интеллигенции») к упорядоченным структурам (интеллектуальным корпорациям, think tanks).

Однако сам термин еще не умер. Он живет в заботливо поддерживаемом общественном мифе об особой роли «творческой интеллигенции». Власть эксплуатирует этот миф, постоянно предъявляя населению, электорату узнаваемых, «хорошо раскрученных» представителей интеллектуальных профессий в качестве «лица демократии» и «совести эпохи», созывая съезды «творческой интеллигенции», назначая общественные палаты, комиссии, коллегии для одобрения разнообразных гуманитарных проектов, акций и программ, камуфлируя этим свои реальные цели и интересы.

К ПРОБЛЕМЕ ЖИЗНЕТВОРЧЕСТВА В НЕСТАБИЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

Курьянова И.А.

г. Симферополь, Украина

В нестабильные периоды «созерцания и хаоса», наступающие в период революционных изменений в обществе и характеризующиеся распадом, потерей центростремительной идеологии, культура становится важнейшей фундаментальной частью бытия. Духовными центрами становятся отдельные личности, вырвавшиеся из подчинения безликим силам традиционных форм мышления и поведения. Философия возвращается к своему предназначению, а философствование становится культурной доминантой переходной эпохи, выступая в основном в бытийной и ситуативной форме сознания – в форме практического философствования субъектов. Исследование разнообразных форм такого личностного философского творчества, опыт философской интерпретации проблем, с которыми сталкивается перестраиваемое общество, позволяет выделить аттракторы, определяющие траектории дальнейшего движения системы культуры.

Близкой нам переходной культурой является культура серебряного века, находящаяся между двумя относительно стабильными культурными полосуками. Самым значительным и плодотворным её явлением стала философизация искусства. Кризис порождает естественное недоверие к возможностям логических научных форм познания и объяснения мира и ведёт к усилению чувственно-образного начала. Образ «приходит на помощь» к понятию в непосильной для него функции постичь и выразить изменчивость жизни. Искусство, как наиболее «чувствительная» и быстро реагирующая форма сознания, становится художественно-философской моделью мира, отражающей наиболее универсальные проблемы человеческого бытия, потому, мы рискуем утверждать, что полноценное познание сложной социальной ситуации возможно только на путях синтеза художественного и философского мышления.

«Этика ответственности», всегда свойственная по-настоящему талантливым людям, рождает у них желание не только философски осмыслить происходящее, но и потребность творчески преобразить саму действительность, что выражается в жизнетворчестве – в целостном деятельно-творческом бытии личности, воздействующем на окружающий мир, даруя ему Красоту и Гармонию. Художник, созидая поэму не в искусстве, а в жизни стал законченным явлением в ту пору, когда «дар жить» ценился неизмеримо больше, чем дар творить, утверждал В. Ходасевич. Тесное единение жизни и творчества, понимание культуры как сферы присутствия, участия и ответственности человека перед миром – эта особенность именно славянского типа художников-философов ярко проявилась в культуре серебряного века.

Разнообразные варианты философско-художественного способа освоения действительности сложились в творчестве А. Белого, Вяч. Иванова, В. Розанова, Д. Мережковского, Н. Бердяева, В. Соловьева, А. Скрябина. Символисты первыми выдвинули идею совершенного искусства именно как теургии – «делания», но по признанию А. Белого, не преуспели в этом, так как никто из них не сделал последнего шага для реального выхода искусства в жизнь, «застыв в тоске и нерешительности» перед «зоной хаоса жизни». По нашему мнению, это удалось сделать близкому к символистам поэту и художнику крымчанину-киммерийцу Максимилиану Волошину, построившему в Коктебеле Дом для жизни Культуры в губительное для неё кризисное время, и воплотившему в жизнетворчестве своем в реальность стен Дома Творчества основные идеи времени – Всеединства и Соборности. Жизнетворчество М. Волошина является примером реального «ответа» творческой личности на «вызов» истории, демонстрирующим вариант выхода из ситуации социокультурного кризиса.